

ТРИ РОЛИ, ТРИ СУДЬБЫ

Творческие
портреты

ЗА ПЯТНАДЦАТЬ лет «краснофакельской» жизни Анной Яковлевной Покидченко сыграно несколько десятков превосходных ролей, и каждая из них могла бы стать предметом интересного разговора. Разные судьбы, разные характеры у ее женщин, в разные жизненные ситуации попадали они. И все-таки, несмотря на непохожесть, неповторимость Нилы Снежки из «Барабанщицы», Вальки из «Иркутской истории», Ибсеповской Норы или Гелены из «Варшавской мелодии», всех их объединяет нечто общее.

Мы узнаем А. Покидченко с первого же появления на сцене, хотя на ней может быть самый замысловатый парик, а платье современницы заменено нарядом испанской грандессы. И узнаем не только по голосу, энергичной летящей походке, горделиво вскинутой голове. Узнаем мы ее по той нравственной чистоте, незаурядности чувств, повышенной требовательности к себе — качествам, которыми всегда наделены героини актрисы.

В каждой роли А. Покидченко присутствует тема любви. Но только от артистки зависит, как эту тему раскрыть. Любовь ведь может быть и бытовой, камерной, без полета, такой, которая никогда не поднимается до высот поэзии, до обобщения. Секрет успеха героини Покидченко в том и состоит, что для них любовь становится одним из ярких проявлений личности, источником внутреннего благородства, душевной красоты.

...О Надежде Миловановой, героине спектакля «Поговорим о странностях любви», мы узнаем задолго до того, как она появится на сцене. Почти все персонажи успеют ее осудить — кто тайно, кто явно — за странную любовь, которая не дала Наде ни профессии, ни своего угла, ни покоя, а принесла одни лишения и болезни. «Да, минусы, конечно, были», — как-то беспечно, махнув рукой, признает Надежда. Но это позже и вскользь. А сейчас она — Надежда Милованова, сбжавшая двадцать лет назад из отчего дома с человеком, по общему признанию, непутевым, старым, больным и к тому же семейным, возвращающейся домой.

С высокой-высокой лестницы, чуть ли не с облаков спускается со своей дочерью Надежда. Мы еще не видим ее лица, она движется как-то боком, спиной, останавливается, окидывая взглядом пройденный путь. И у нас, сидящих в зале, зашеметит сердце при виде этой маленькой, скромно одетой, с рюкзаком за плечами женщины. Но потом, когда Надежда — Покидченко повернется к нам лицом, когда мы увидим ее глаза — молодые, светящиеся какой-то особой радостью, невольно подумаем: перед нами счастливый человек и не жалеть его надо, а завидовать ему.

Впрочем, эту зависть испытывает даже Таня, жена брата Надежды, женщина столь ограниченная, что удивляешься; как ей вообще удалось что-либо испытать. А произойдет это в сцене, когда зазвучит песня, полугрустная, полупирическая — про фокусника-чудака. Покидченко поет ее так, что этот короткий по времени эпизод вырастает в настоящую драмати-

ческую сцену. Сначала песня звучит, как шутка — попросили спеть, ну, спой. Потом, заметив осуждающий взгляд брата, Надежда запоет иначе — теперь уже всерьез, чуть не с вызовом, с одним желанием — песней сказать всем Миловановым то, что они не хотят услышать в ее словах. Именно после песни произойдет «перестановка сил» в стане Миловановых — юная Туся отдаст симпатии своей непутевой родственнице, по-новому увидит и полюбит Надежду заведующий клубом Иван Васильевич.

Но Надежде нужен только один человек, а он далеко и что с ним — она не знает, и оттого смертельная тоска перехватывает горло. Стоя возле лампы, судорожно прижимая к себе гитару, она смотрит в зал невидящими глазами, в них сейчас только боль и страдание. И как же изменится это лицо через какое-то время: Надежда задумчиво курит, рассеянно слушая Ивана Васильевича. И вдруг раздастся свист — условный, знакомый свист. Встрепнулась — это он! Или показалось? Нет, не может такого быть... Сколько оттенков чувств, сколько мыслей промелькнет в эти секунды в глазах Надежды. Свист повторился, и заметалась она по сцене, не зная, куда кинуться, где встречать свое счастье.

Надежда Милованова любит и любима. Перед нами как бы идеальный вариант счастливого человека, хотя его жизнь вовсе не такая уж гладкая и покойная. Но в репертуаре А. Покидченко есть другая роль, о которой хотелось бы сказать, роль, вроде бы никакого отношения не имеющая к Надежде. В самом деле, комедия восемнадцатого века «Трактирщица» и пьеса Пановой — что общего? Ничего, конечно: характеры иные, жанр иной, персонажи, конфликт, интрига — все иное. Так и играет актриса свою Мирандолину в рамках яркой театральности, свойственной комедии Гольдони.

Веселая, грациозная, порхает Мирандолина по своим владениям, на ходу плетя сети любви для грозного женоненавистника кавалера Рипафратто. То присядет перед ним в почтительном реверансе, то прикинется грубоватой и страшно занятой, то нежно вздохнет — незаметно, только для него. Одним словом — то угодлива и обходительна, то холодна и неприступна. На сцене идет игра, тонкая, изящная игра в любовь. Условия этой игры нам понятны, и мы с удовольствием следим за актерами.

Спектакль подходит к концу. Женское обаяние, нежность, мягкость укротили строптивого кавалера, сердце застывшего солдафона оттаяло.

Роль Мирандолины у Покидченко любопытна не только тем, что в ней актриса представлена в новом плане — комедийном, но, главное, что и здесь она верна сво-

ей теме. Мирандолина у Покидченко отнюдь не юная крестьяночка, забавы или корысти ради включившаяся в игру с «обольщением». Побуждения героини оказываются гораздо человечнее, а средства куда тоньше и глубже, чем просто молодость, красота, изобретательность простой девушки из народа. А. Покидченко играет женщину, которая умеет по-настоящему любить, твердо верит в красоту и живительную силу этого чувства. Разбудить, расшевелить это чувство в другом — такова цель ее Мирандолины в игре с Рипафратто.

Но как далека от Мирандолины — воплощения всех женских прелестей, другая героиня Покидченко. Про нее говорят, что она некрасива, суха и грозна, и вообще за глаза называют «мырой». Однако если взглядеться, то можно легко увидеть связь между Надеждой, Мирандолиной и некрасивой Калугиной из спектакля «Служивцы». Общее для всех — тема любви, облагораживающей, окрыляющей, вносящей в жизнь человека гармонию и осмысленность. Только на сей раз женщина, которую играет Анна Яковлевна, не сама «излучает» любовь, а испытывает на себе ее чары.

Людмила Прокофьевна Калугина умна, деловита, но начисто лишена женственности. Бесцветное старушечье лицо с круглыми очками на носу, жалкое подобие прически, мешковатый унылый костюм, который она поправляет резким подергиванием плеч, делают Калугину похожей на одинокую нахохлившуюся грустную птицу. Ее походка, тяжелая и мужиковатая, вызывает усмешки, а манера разговаривать, всматриваться в собеседника, прищуриваясь и словно буравя его, делают общение с ней неприятным и нежелательным. В ней, хорошем работнике, по-человечески никто не нуждается. Это Калугина понимает и, как оказывается, глубоко

страдает, хотя не обнаруживает своих горьких чувств.

До той самой поры, когда один из сослуживцев, скромный застенчивый Новосельцев не оказал ей внимания — простого, человеческого. Букет сирени совершает целый переворот в душе женщины-сухара. Калугина — Покидченко долго разглядывает подслеповатыми глазами сирень, неловкими движениями переставляет вазу с места на место, и что-то похожее на улыбку появляется на ее обычно хмуром лице. С радостью следим мы, как внутренне раскрепощается Калугина, словно на наших глазах оттаивает ее душа.

Не сразу и не вдруг совершится это превращение «мыры» в красавицу, еще не раз легкое подергивание плеч напомним нам в этой элегантной женщине о ее недавнем «прошлом». Но даже не это, чисто внешнее перевоплощение героини ценно для нас. Гораздо дороже то, как меняется Калугина внутренне — какой становится она обаятельной, интересной, человеческой, сохраняя при том свою былую принципиальность и деловитость.

Да и для самой актрисы важны именно эти моменты роли. Вероятно, поэтому она почти не меняет внешности своих героинь. Редкое исключение — Калугина, но тут уж прием «переодевания» задан авторами комедии. Если же говорить о перевоплощении, о том, без чего нет актера и нет театра, то у А. Покидченко оно действительно редко касается внешнего рисунка роли. Меняются, прежде всего, внутренняя характеристика, психология, диалектика мыслей и чувств, логика поведения женщин, которых играет актриса.

Именно эту способность — внутреннего перевоплощения в сочетании с умением сохранить и пронести от образа к образу свою тему, и оценила когда-то тонкий педагог и режиссер Вера Павловна Редлих. Увидев Анну Яковлевну в спектакле Оренбургского театра, гастролировавшего в Москве, В. П. Редлих, руководившая в то время труппой «Красного факела», пригласила актрису в Новосибирск. Покидченко вошла в прославленный коллектив легко и свободно, как это не часто бывает. Вошла уверенно именно потому, что это был коллектив, близкий ей по духу, эстетическим устремлениям. И все пятнадцать с небольшим лет она твердо следовала лучшим краснофакельским традициям, традициям психологического театра.

Недавно Анне Яковлевне присвоено почетное звание народной артистки РСФСР. Поздравляли ее многие — коллеги, друзья, зрители. И было среди поздравлений одно, особенно дорогое — от старшей актрисы, с именем которой связано немало прекрасных страниц в истории «Красного факела»: «С радостью поздравляю Вас с высоким званием народной артистки республики. Будьте долгие годы украшением нашего «Факела», любимым зрителем, здоровы и счастливы. Обнимаю, целую, Ваша Агаронова».

В. ГОЛОВИНА.

На снимке: А. Покидченко в роли Мирандолины.

Фото Н. Соничевой.

